

УИЛЬЯМ БАТЛЕР ЙЕЙТС

Единственная ревность Эмер

ПЬЕСА ДЛЯ ТАНЦОВЩИКОВ

Перевод с английского Г. КРУЖКОВА

НОБЕЛЕВСКАЯ
ПРЕМИЯ
1923 г.

В творчестве Уильяма Батлера Йейтса драма, театр занимают особое место. Он сказал в своей Нобелевской речи: «Возможно, английские комитеты никогда не назвали бы вам моего имени, если бы я совсем не писал пьес и статей о театре, если бы моя лирическая поэзия не имела бы сходства с речью, практикуемой на сцене; возможно даже — хотя это никак не могло быть намеренно с их стороны, — если бы мое имя не было до некоторой степени символом целого движения». Поэт имел в виду ту роль, которую играл театр в культуре Ирландии начала века, названной Ирландским возрождением.

Йейтс был одним из создателей Ирландского Национального театра (Театра Аббатства) и — в течение трех десятилетий — его директором, он писал для него пьесы и сам ставил их на сцене; в многочисленных эссе и теоретических статьях Йейтса запечатлены поиски новых театральных форм, характерные для Европы рубежа веков. Подолгу живший в Лондоне и постоянно наезжавший в Париж, он был в курсе театральной жизни обеих столиц, видел на сцене пьесы Метерлинка и Уайльда, был знаком с Малларме, его опытами поэтического театра.

Театр Йейтса в сути своей — философско-поэтический. С самых первых драматических опытов (относящихся еще к 1880-м годам) поэт искал ту идеальную форму, которая позволила бы воплотить на сцене то, что он называл «духовными сущностями». На этом пути у Йейтса было немало колебаний — ибо его интересовало и особенное, индивидуальное — и компромиссов, неизбежных в практической театральной работе. В 1910-е годы Йейтс делает окончательный выбор в пользу искусства, очищенного от быта и характерности. Он писал в 1915 году в эссе «Поэт и актриса»: «...Искусство, которого я жажду... — это борьба, но она происходит в глубинах души, и один из антагонистов не имеет земного облика и не говорит на языке смертных».

Во вступительной статье к сборнику пьес японского театра Но Йейтс заявил: «...С помощью японских пьес... я изобрел утонченную, лишенную буквальности, символическую форму драмы...». (Кстати, редактировал переводы для этого сборника Эзра Паунд, бывший в то время его секретарем.) Четыре свои пьесы, где использована модель театра Но, Йейтс назвал «пьесами для танцовщиков». «Единственная ревность Эмер» (1916—1917) — вторая из них. Предельно скупая декорация, направляющая все внимание зрителя на актеров; присутствие на сцене музыкантов (с цитрой, гонгом и барабаном), выполняющих также функцию хора; лица, закрытые масками или загримированные под маски; танец персонажа, «не имеющего земного облика», как кульминация действия — таковы приемы, почерпнутые Йейтсом из театра Но.

Сюжет «Единственной ревности Эмер» основан на эпизоде из ирландских

саг (к которым Йейтс-драматург обращался постоянно): сида (фея) Фанд, обительница Страны блаженства (в пьесе — символ абсолютной красоты), держит в любовном плену героя-воина Кухулина; Эмер, жена Кухулина, благодаря своей самоотверженной любви возвращает его на землю. Йейтс добавил новых персонажей, среди них — юная возлюбленная Кухулина Этна Ингуба, воплощение чувственной страсти.

Известно, что на замысел произведения повлияли сложные события личной жизни Йейтса. Пятидесятидвухлетний поэт женился на молодой англичанке, получив окончательный отказ Мод Гонн — женщины, которую Йейтсу суждено было любить всю жизнь, — а вслед за ним и отказ ее юной дочери. Разумеется, из этого вовсе не следует, что и в пьесе можно «распределить роли» между тремя женщинами, принимавшими участие в реальной любовной драме. Верный своему творческому принципу, Йейтс создает общечеловеческие символы и типы: три женских персонажа — это три ипостаси женственности.

«Единственная ревность Эмер» — первая пьеса, где отразилась авторская концепция диалектики, по которой развивается жизнь души. Согласно философии Йейтса, двигатель духовной жизни — борьба Я и анти-Я в душе человека. К персонажам саги поэт добавляет еще одно новое лицо — Оборотня в обличье Кухулина, бога раздора Брикриу. Пьеса о вечной загадке женственности обладает глубинным планом и прочитывается и как драма борьбы в человеческой душе между стремлением к гармонии и разрушительным началом.

Можно было бы продолжить комментарий системы поэтических символов, однако перед нами не «ученое» аллегорическое произведение, а одна из лучших лирических драм большого поэта. Перевод Г. Кружкова дает русскому читателю возможность ощутить непосредственность живого чувства и красоту стиха.

«Единственная ревность Эмер» впервые была поставлена в 1922 году в Амстердаме Альбертом ван Далсумом. Для своего же театра Йейтс написал прозаический вариант под названием «Битва с волнами». В дублинском спектакле (1929 г.) участвовал большой оркестр и балет во главе с известной танцовщицей и хореографом Нинетт де Валуа. Новое заглавие относится к эпизоду, который предшествует действию пьесы: Кухулин, по роковой случайности убивший собственного сына, обезумев от горя, сражается с волнами, пока море не выбрасывает его, бездыханного, на берег.

В. РЯПОЛОВА

Пролог к спектаклю,
в центре — Кухулин.

ПЕРСОНАЖИ ПЬЕСЫ

Три музыканта (загримированные под маски).

Призрак Кухулина (в маске).

Оборотень, имеющий обличье Кухулина (в маске).

Эмер
Этна Ингуба } (в масках или загримированные под маски).

Сида (в маске).

Входят м у з ы к а н т ы, одетые и загримированные как в «Ястребином источнике». При них те же самые музыкальные инструменты, которые или уже находятся на сцене, или могут быть внесены либо первым музыкантом — до того, как он выйдет на середину сцены со свернутым покрывалом в руках, — либо другим актером, когда покрывало уже развернуто. Сценой, как и прежде, может служить часть комнаты, задником — стена, а черное покрывало можно использовать то же, что в «Ястребином источнике».

Музыканты поют, медленно разворачивая и вновь свертывая покрывало.

Первый музыкант (поет). Женская красота — словно белая птица,

Хрупкая птица морская, которой грустится

На незнакомой меже среди черных борозд;

Шторм, бушевавший всю ночь, ее утром занес

К этой меже, от океана далекой.

Вот и стоит она там и грустит одиноко

Меж незасаженных черных и жирных борозд.

Сколько столетий в работе

Душа провела,

В сложном расчете,

В муках угла и числа,

Роясь, рискуя —

Куда там орлу и кроту! —

Чтобы такую

Вывести в свет красоту?

Странная и бесполезная это вещьца —

Хрупкая раковина, что бледно искрится

Там, на песке, далеко за приливной чертой:

Волны разбушевались пред самой зарей,

На побережье ветер накинудся воя...

Вот и лежит она — хрупкое чудо морское,—

Шквалом внезапным выброшенная перед зарей.

Что за великие шлюзы

Судьбы прорвало,

Непостижимые узы

Навеки свело,—

Мучась, ликуя,

Кровью платя за мечту! —

Чтобы такую

Миру явить красоту?

Музыканты занимают свое место у стены. Сбоку сцены обнаруживается ложе или просто груда тряпья, на которой лежит человек в погребальной одежде. На его лице героическая маска. Другой человек в точно такой же одежде и маске съезжился на корточках ближе к зрителям. Рядом с ложем сидит Эмер.

Первый музыкант (говорит). Я вызываю из памяти

Хижину рыбака,

Сети, висящие

На закопченных стропилах,

Длинное весло у стены.

В углу лежит человек,
 Он умер или впал в забытье.
 Это --- Кухулин,
 Страстный, свирепый и славный Кухулин.
 Возле ложа его — королева Эмер.
 Всем остальным она повелела уйти,
 Но вот кто-то входит
 Нерешительным шагом.
 Это Этна Ингуба, возлюбленная героя.
 Она замирает на миг у порога,
 И тогда за дверь открывается море,
 Сверкающее и грозно шумящее море...
 (Поет.) Белая раковина, белое оперенье!
 Не пожелал бы я ни себе и ни другу
 Хрупкую и бесполезную эту мечту;
 Знает душа, что бесплодно над бездной паренье,
 Судьбы и волны, бушуя, ходят по кругу,
 Ветер срывает пену с валов на лету.

Эмер (*говорит*). Входи, присядь со мною возле ложа,
 Не бойся, Этна, ибо я сама
 Послала за тобой.

Этна Ингуба. Нет, госпожа,
 Не смею, ибо я вас оскорбила.

Эмер. Из всех живущих только мы с тобой
 Имеем право тут сидеть, ведь мы
 Его любили больше всех.

Этна Ингуба. Он умер?

Эмер. Обряжен в погребальные одежды,
 Но он не умер. Небеса извергнут
 Огонь, и вся земля зальется кровью,
 Как при кончине мира, в день ухода
 Героя, чтобы и последний раб
 Почувствовал тогда величье смерти
 Кухулина.

Этна Ингуба. Что с ним произошло?

Эмер. Сегодня на совете королей
 Он встретил юношу, который сразу
 В нем вызвал необычную приязнь.
 Но короли все обратили в распрю,
 Он вызвал юношу на бой и насмерть
 Сразил его на берегу морском,
 Там, где могила Байле. Слишком поздно
 Он осознал, что собственного сына
 Убил своей рукой,— как говорят,
 Того, что в ранней юности зачал
 С какою-то воительницей дикой.
 От горя обезумев, он схватил
 Свой меч и щит и бросился к волнам,
 Клич грозный испустил и стал сражаться
 С бессмертным морем. Все, кто были там,
 От ужаса оцепенев, не смели
 Ни усмирить его, ни образумить.
 А он с прибоем бился, наступая,

Пока его один могучий вал
 Не потопил с размаху и не бросил
 Без чувств на берег.

Этна Ингуба.   Как он страшно бледен!

Эмер. Но он не мертв.

Этна Ингуба. Ты пробовала в губы
 Его поцеловать — иль на груди
 Главу бесчувственную возлелеять?

Эмер. Быть может, это даже и не он,
 А оборотень — например, коряга,
 Которой приданы его черты,
 Иль кто-нибудь из свиты Мананнана,
 Владыки моря, — одряхлевший всадник,
 Не годный больше для седла.

Этна Ингуба.   Окликни
 Его по имени. Ведь говорят,
 Что души, нас покинувшие, бродят
 Поблизости; он может услышать —
 И выгнать оборотня.

Эмер.   Нелегко
 Добиться, чтобы он меня услышал —
 Жену посылаю; но если ты
 Его покличешь голосом любимым,
 Он возвратится.

Этна Ингуба.   Я любима им
 Как новизна, но, новизной пресытясь,
 Он возвратится к той, что верно ждет
 И верит в возвращенье.

Эмер.   Я и вправду
 Надеюсь, что когда-нибудь мы вместе
 У очага родного отдохнем,
 Как прежде.

Этна Ингуба. Женщин, вызывавших страсть,
 Пресытившись, отбрасывают в угол,
 Как скорлупу разбитого ореха.
 Кухулин, слушай!

Эмер.   Погоди, сперва
 Его лицо я скрою, чтоб не видеть
 В зрачках застывших этой мертвой зыби,
 И в очаге огонь разворошу
 Поярче. Мананнан, владыка моря,
 Из бездны шлет своих свирепых слуг
 На неоседланных конях. Но чары
 Зыбучих волн боятся чар огня.

(Она задергивает занавески над ложем так, чтобы актер мог незаметно переменить маску. Потом переходит на другую сторону сцены и показывает жестами, что подкладывает дрова в очаг и ворошит огонь. Музыканты сопровождают ее движения звуками барабана и, может быть, флейты.

Окончив пантомиму, Эмер остается возле воображаемого очага, поодаль от Кухулина и Этны Ингубы.)

Теперь попробуй позови его.

Этна Ингуба. Ты слышишь, я зову тебя?

Эмер. Склонись

Пониже, прошепчи ему на ухо
Все нежности, чтоб сердце в нем взыграло,
А если он не здесь, пусть возревнует.

Этна Ингуба. Кухулин, где ты?

Эмер. Это слишком робко.

В такой отчаянный момент страшиться,
Что я все слышу,— значит доказать,
Какой он сделал жалкий выбор. Помни:
Мы заодно, а море — против нас.

Этна Ингуба. О мой возлюбленный, прости меня

За робость. Я отбрасываю стыд.
Ты помнишь: как бы я ни тосковала,
Я не звала тебя к себе: ты сам
Все чувствовал и приходил. Дай знак,
Что это ты: пошевелись, промолви
Хоть слово! Ты был так красноречив
Со мною. Что сковало твой язык
Или замкнуло слух? Во имя страсти,
Не гаснувшей, когда мы расставались
На берегу, в холодный час рассвета,
Ответь!

Не слышит...

Эмер. Поцелуй его;
Быть может, губ твоих прикосновенье
Осилит чары.

Этна Ингуба (*отшатнувшись*). Это не Кухулин!

Я ощутила на губах своих
Какой-то злой озноб.

Эмер. Он шевельнулся!

Уста твои его вернули к жизни.
Из забытья.

Этна Ингуба (*отступая еще дальше*). Взгляни, он сухорук!

Рука вся, до плеча, как костяная.

Эмер (*подходя к ложу*). Откуда ты пришел? И для чего?

Оборотень. Я прискакал из царства Мананнана

На неоседланном коне.

Эмер. Кто ты,
Посмевавший взять Кухулина обличье
И лечь на это ложе?

Оборотень. Вольный дух
Из рода сидов — Брикriu зовусь я,

Да, Брикриу — тот самый дух раздора,
Известный меж богами и людьми.

Эмер. Зачем явился ты?

Оборотень (*садится на ложе, раздвигая занавески и показывая свое безобразное лицо*). Чтоб утрашить

Всех, кто любим Кухулином.

Ингуба уходит.

Эмер. Ты лжешь!

Исчадья ветра, вы полны обманов
И хитростей. Я не боюсь тебя!

Оборотень. Тут нет обмана: ты ведь нелюбима.

Эмер. Да, нелюбима — и не утрашусь
Потребовать, смотря тебе в лицо,
Чтоб ты вернул его к живущим.

Оборотень. С этим
Я и пришел — за выкупом.

Эмер. Ах, вот что!
Давно ли сиды стали торгошами?

Оборотень. Когда они освобождают пленных,
Они берут взамен иное что-то,
И это справедливо. Рыболов,
Просящий колдуна о возвращенье
Жены иль дочки, знает, что за них
Пойдет в уплату лодка, сеть иль даже
Молочная корова; есть такие,
Что предлагают жизнь свою взамен.
А мне ни жизни, ни богатой вещи
Не надо от тебя. Ты говорила,
Что, может быть, когда-нибудь опять
Он сердце обратит к тебе — под старость,
Когда придут недуги. Откажись
От всех надежд — и он вернется к жизни.

Эмер. Я вижу цель твою: ты сеешь зло
Средь тех, кого любил он; но со мной,
Чтоб власть упрочить, ты готов на сделку.

Оборотень. Власть тешит всех — и женщин, и мужчин,
И духов; покорись — и он вернется.

Эмер. Нет, ни за что!

Оборотень. Боишься осужденья?
А он вот не боялся.

Эмер. У меня
Две радости последние остались:
Воспоминанье и надежда.

Оборотень. Знай же:
Вам не придется стариться вдвоем
У очага: он сгибнет на чужбине

От многих ран, и женщина чужая
Склонится над умершим.

Эмер. Ты мечтаешь
Отнять мою последнюю надежду,
Чтоб ввергнуть в окончательную гибель
Всех, кто вокруг него.

Оборотень. Не ерепенся!
Ты до сих пор не ревновала, зная,
Что он пресытится; но разве можно
Пресытиться любовью неземной?
Встань ближе; я хочу, чтоб ты созрела.

(Он касается ее глаз своей левой, невысохшей рукой.)

Эмер *(увидав Призрак Кухулина, недвижно сидящий на полу).*
Здесь муж мой!

Оборотень. Я рассеял мрак, скрывавший
Его от глаз твоих, но этот взор
По-прежнему незряч.

Эмер. О муж мой, муж мой!

Оборотень. Не стоит звать: он так же глух, как слеп,—
Фантом, сюда мольбами привлеченный;
Не то чтобы он вправду слышал их,
Но тот покой, в каком он пребывал,
Разрушен грезами, и в этих грезах
Облекся он в свой прежний образ: так
Случается с тенями, что покуда
К своей свободе новой не привыкли.
Он ничего не сознает — ни где он,
Ни с кем.

Входит Сид и останавливается у двери.

Эмер. Кто эта женщина?

Оборотень. Рыбачка.
Сказать точнее, она пришла сюда
Из Царства-под-водой, приняв обличье,
Которое поможет ей поймать
Еще одну рыбешку. Эти сиды —
Ловцы мужчин, наживка их — мечта.

Эмер. Так, значит, этот облик — лишь притворство,
Обман?

Оборотень. Мечта — не ложь, а воплощенье;
Пока способны юноши мечтать,
Останется возможность возвращаться
У мертвых — и у тех, других теней,
Что вовсе не жили иначе, как
В снах и мечтах.

Эмер. Я знаю этих дев.
 Они приходят к спящим и усталым
 От дел войны, закутывают их
 В туман своих волос, целуют в губы.
 Проснувшимся бывает невдомек,
 Что было с ними; но когда потом
 Своих мужей мы обнимаем ночью,
 Они уже не с нами.

(Вынимает из-за пояса нож.)

Оборотень. Сталь не может
 Поранить воздух. Слушай и смотри;
 Я слух и зренье дал тебе недаром.

Сида начинает танцевать, кружа вокруг Призрака Кухулина все быстрее и быстрее. Он медленно просыпается. Порой она почти касается его своими волосами. Танец сопровождается звуками струнного инструмента, флейты и барабана. Ее маска отсвечивает золотом или бронзой, медью или серебром, так что она должна казаться скорее идолом, чем человеческим существом. В голосе ее тоже звучат металлические обертоны.

Призрак Кухулина. Кто это предо мной стоит
 И свет такой вокруг струит,
 Как будто полная луна,
 Чья красота завершена,
 Бросается из круга прочь —
 В свою пятнадцатую ночь?

Сида. Я страстью все еще полна
 И, значит, не завершена.
 Скажи, что так тебя гнетет
 И распрямиться не дает?

Призрак Кухулина. Лик той, кому я изменил,
 Взор юноши, что мною был
 Убит. Воспоминаний гнет
 Мне распрямиться не дает.

Сида. Любивший столько жен и дев,
 Способен ты, помолодев,
 Влюбиться в ту, что у черты
 Стоит нездешней красоты?
 Взгляни!

Призрак Кухулина. О, я тебя узнал!
 Давным-давно, у темных скал,
 Близ высохшего родника,
 Пришедшему издалека,
 Ты мне плясала... Я к тебе
 Стремился, покорясь волшбе.
 Но ты исчезла в тот же миг,
 Как ястреба донесся крик.

Сида. Вновь устремись ко мне. В тот раз
 Иначе было, чем сейчас.
 Теперь я женщина вполне;
 Все ястребиное во мне
 Ушло.

Призрак Кухулина. Но я уже не тот
Юнец. Воспоминаний гнет
Мне взоры застит пеленой,
Туманя яркий облик твой.

Сида. Так поцелуй меня в уста.
Пусть торжествует красота
Над всем, что противостоит
Любви — будь это память, стыд
Иль угрызенье.

Призрак Кухулина. Значит, я
Вкушу отрады забытья
И совесть заглушу навек?

Сида. Да, время остановит бег.
Когда к устам уста прильнут,
Все жажды утолятся тут,
Замкнется лун круговорот
И сердце навсегда замрет.

Призрак Кухулина. Целуй!

(Она наклоняется к нему, но в последний миг он отворачивает голову.)

О Эмер, Эмер!

Сида. Трус!
Так вот каких видений груз
Тебя пригнул!

Призрак Кухулина. Передо мной
Тот день, когда рука с рукой
Мы в дом входили в первый раз,
Перед родней не пряча глаз.

Сида. Припомни, сколько раз потом
Тайком ты покидал свой дом.

Призрак Кухулина. О Эмер, милая жена!

Сида. Как умер, так опять она!
А был живой, тянуло прочь.
И впрямь, тому любить невмочь
Обычных женщин, кто рожден
Не для земных любвей и жен,
Не для упреков и оков,
А для того, чтоб со зрачков
Смыть памяти земную грязь
И вечное узреть смеясь.

Призрак Кухулина. Целуй, целуй меня скорей!

(Устремляется вслед за убегающей Сидой.)

Оборотень. Скорее
Клянись, что отвергаешь навсегда
Его любовь.

Эмер. Нет, ни за что!

Оборотень. Вот дура!
Я враг колдуньи Фанд и для того
Явился, чтоб ее расстроить планы;
А ты стоишь и упускаешь время.
Чу! Слышишь стук копыт на берегу?
Она уже садится в колесницу.
Кухулин медлит. Есть еще мгновенье.
Кричи! Клянись, что ты его отвергла,—
И власти Фанд конец. Уже Кухулин
Ступил одной ногой на колесницу.
Кричи!..

Эмер. Я отвергаю навсегда
Любовь Кухулина.

Оборотень откидывается назад, натягивая на себя покрывало. Входит Этна Ингуба
и становится на колени возле ложа.

Этна Ингуба. Приди ко мне, любимый, это я.
Я, Этна. Поглядите! Он очнулся.
Он шевельнул губами и рукой.
Лишь я одна смогла отвоевать
Его у моря и вернуть к живым.

Эмер. Он жив!

Лежащий на постели поворачивается. На нем опять героическая маска.

Кухулин. Как ласковы твои ладони,
Ингуба!.. Мне приснился страшный сон.

Музыканты выходят вперед и поют, медленно развертывая и затем так же медленно свертывая
черное покрывало.

Музыканты. Отчего ты так испуган?

Спрашиваешь — отвечаю.
Повстречал я в доме друга
Статую земной печали.
Статуя жила, дышала,
Слушала, скользила мимо,
Только сердце в ней стучало
Громко так, неудержимо.

О трагическая тайна,
Воздаянье без вины!
Мы глядим со стороны
И молчим, удивлены,
Лишь порой вздохнем случайно.

Пусть постель твоя согрета
И для скорби нет причины,
Пусть во всех пределах света
Не отыщется мужчины,
Чтобы прелестью твоею
В одночасье не прельститься:
Тот, кто был их всех вернее,
Статуе устал молиться.

О трагическая тайна,
Воздаянье без вины!
Мы глядим со стороны
И молчим, удивлены,
Лишь порой вздохнем случайно.

Почему так сердце бьется?
Кто сейчас с тобою рядом?
Если круг луны замкнется,
Все мечты пред этим взглядом
Умирают, все раздумья;
И уже пугаться поздно:
В ярком свете полнолуныя
Гаснут маленькие звезды.

Когда покрывало снова свернуто, сцена оказывается пустой.

Конец

**Заключительная сцена
у ложа Кухулина**

**Ирландский Национальный
театр, 1929 г.**
